

Переводы

ГЕОРГ ЗИММЕЛЬ

Мост и дверь

145

Наш образ вещей внешнего мира двойственен: в природе все может быть увидено как связанное, но так же — и как разъединенное. Непрестанные трансформации материи и энергии ставят все в отношение ко всему, соединяя множественные единичности в *один* космос. С другой стороны, объекты сами втиснуты в неумолимо расчлененное пространство. Пространство, занятое одним элементом материи, не может быть занято другим. В пространстве нет реального единства множественности — по той же причине естественное состояние вещей не допускает одновременного сосуществования взаимоисключающих понятий.

Лишь человек — в противоположность природе — обладает способностью к соединению и разъединению; одно всегда предполагает другое. Вычленив две вещи из непоколебленного естественного состояния, чтобы обозначить их как «раздельные», мы уже соотносим их друг с другом в нашем сознании. Мы дифференцировали их обе, вместе, отделив от всего, что лежало между ними. И наоборот: мы воспринимаем как связанное лишь то, что прежде некоторым образом изолировали. Чтобы впоследствии соединиться, вещи сначала должны быть отделены друг от друга. С практической (так же как и с логической) точки зрения бессмысленно соединять то, что прежде не было разделено, и что не разделено к настоящему моменту. В зависимости от формулы согласования двух этих действий в человеческой активности — признаются ли связь и разъединение в качестве естественно обусловленных или в качестве задачи, требующей решения, — может быть подразделена вся человеческая деятельность. В прямом смысле (равно как

Зиммель Георг — немецкий философ и классик социологии, создатель формальной социологии и одного из первых неокантианских социологических проектов.

Перевод выполнен по Simmel G. *Bridge and Door*//Lotus International. Milan: Electa Spa, 1985. Vol. 47. P. 52-56.

и в символическом, и в физическом, и в духовном) в каждый момент времени мы — те, кто разделяет соединенное и соединяет разделенное.

Люди, первыми проложившие дорогу между двумя местами, совершили величайший подвиг. Перемещаясь между двумя точками, они могли соединять их субъективно, если так можно выразиться, но объективно эти места оставались несвязанными, пока на земной поверхности не была запечатлена Дорога: воля к соединению стала Formой вещей — Formой, более не зависящей от частоты или редкости перемещений. Строительство дорог — специфически человеческое начинание. Дикий зверь тоже всегда находится в пути (прилагая порой исключительные умения и усилия), но начало и конец его путешествия разделены. Перемещения зверя не создают восхитительного эффекта Дороги: когда движение воплощается в прочном творении; причем, творение есть одновременно и производная от движения, и его завершение.

Эта работа достигает своего апогея в строительстве мостов. Здесь человеческое стремление к соединению наталкивается не просто на пассивную разобщенность пространства, но на специфически активную его конфигурацию. Преодолевая это препятствие, мост символизирует экспансию нашей воли в пространство. Только для нас два берега реки не только расположены в двух разных местах, но именно «разделены». И если бы мы их не соединили — сначала в наших задачах, наших потребностях и нашем воображении — то понятие разделения не имело бы смысла. Однако само это понятие лишь частично описывает природную форму: как нарочно, разделение здесь, кажется, помещено между элементами, которые — посредством соединения и примирения — соединяет дух.

Мост приобретает эстетическую ценность не тогда, когда утверждает в реальности для удовлетворения практических потребностей единство разделенного, а когда делает это единство непосредственно видимым. Соединяя части ландшафта, мост дает точку опоры глазу так же, как в практической реальности он дает ее физическому телу. Простая динамика движения, время от времени исчерпывающая «предназначение» моста, получает визуальное подкрепление, подобно тому, как портрет придает некую прочность физическим и духовным процессам человеческой жизни, схватывая в уникальной, устойчивой и вневременной перспективе движение изменчивой и убывающей со временем реальности. Мост обладает предельным смыслом, превосходящим и подчиняющим себе всякую чувственность; он обладает уникальной явленностью, которая — вне всякого посредничества абстрактной рефлексии — принимает на себя практическое значение моста и наделяет его

видимой формой (так же, как произведение искусства делает это со своими «предметами»).

Мост обнаруживает отличие от произведения искусства в следующем: превосходя природу в демонстрируемом им синтезе, он все же вынужден соотноситься с ее образом. На глаз, мост находится в куда более близких и менее случайных отношениях с соединяемыми им берегами, чем дом — с землей, скрытой под фундаментом. В самом общем смысле мост представляет собой «живописный» элемент ландшафта; фактически в нем случайность природной данности восходит к единичности, целиком принадлежащей сфере духа. Только мост благодаря своей собственной пространственно непосредственной видимости обладает тем особым эстетическим качеством, чистота которого представлена искусством — когда дух отвоевывает единство чего-то, принадлежащего природе, приводя его к идеальной, завершенной целостности.

147

Мост в соотношении разделения и соединения отдает приоритет последнему (преодолевая дистанцию между двумя точками, он делает эту дистанцию одновременно зримой и измеримой); напротив, дверь в решительной манере демонстрирует, что разделение и соединение — всего лишь две стороны одного и того же действия. Подобно первопроходцу, построившему дорогу, тот, кто первым сделал дверь, преумножил власть человека в сравнении с властью природы, вырезав фрагмент из непрерывного бесконечного пространства и придав ему завершенность в соответствии с единым замыслом. Этот фрагмент оказался унифицированным и отделенным от остального мира. Поскольку дверь создает связь между пространством человека и внешним миром, она преодолевает разделение на «внутри» и «снаружи». Именно потому, что она может быть вновь открыта, закрытая дверь производит еще более сильное впечатление отделения от внешнего мира, чем простая недифференцированная стена. Стена нема. Но дверь — говорит. Человеку в полном смысле свойственно устанавливать себе предел, сохраняя возможность выходить за него.

Конечность, в которой мы обнаруживаем себя, всегда граничит с некоторым иным местом в бесконечном ряду физических или метафизических сущностей. Так что дверь становится знаком точки перехода, где человеческое завершается или может завершиться. Финальный элемент, которым мы соединили фрагмент зафиксированного для нас пространства с внешним миром. Посредством этого элемента конечному и бесконечному вновь кладется предел — но не в мертвой геометрической форме простой стены, а, скорее, в виде возможности продолжительного и взаимного обмена; в отличие от моста, который соединяет конечное с конечным, дверь

соединяет конечное с бесконечным. Освобождаясь от этих фиксированных точек, дверь противопоставляет восхитительное чувство, появляющееся у нас, когда мы охватываем взглядом небо и землю, тупости повседневных привычек. Если мост, как линия, прочерченная между двумя точками, предписывает абсолютное направление с полной ясностью, то дверь обнаруживает бесконечность направлений, неограниченное множество возможных дорог, простирающихся за порогом, безудержно устремляющихся за границы жизни и пределы фиксированного бытия-в-себе.

В случае с мостом моменты разъединения и соединения существуют таким образом, что первые выступают скорее природными элементами, тогда как вторые — человеческими; напротив, в случае двери они в равной степени вторгаются в активность человека как *собственно* человеческую активность. От этого зависит наиболее ценное и жизненное значение двери (в противоположность мосту). Оно состоит в том, что нет существенной разницы, в каком направлении кто-то пересекает мост, но есть огромная разница между интенциями «войти в дверь» и «выйти за дверь». А потому смысл двери радикально отличен от смысла окна, которое тоже есть связующее звено между внутренним пространством и внешним миром. Однако телеология окна практически полностью исчерпывается направлением «изнутри — вовне». Окно существует для того, чтобы смотреть из него, а не в него. Благодаря своей прозрачности оно обеспечивает связь между внутренним и внешним почти в диахронной манере. Однозначность направления этой связи (вместе с тем ограничением, что пересечь его можно лишь взглядом) сообщает окну лишь часть выдающегося и глубокого смысла двери.

Конечно, в отдельных случаях исходная интенциональность двери претерпевает изменения. По мере того, как орнаментальные обрамления на внешней стене романских и готических храмов постепенно сужаются, заканчиваясь дверью, когда вход завершается рядом полуколон или фигур, которые стоят все ближе и ближе друг к другу, становится ясно, что такая дверь предназначена вводить вас внутрь, а не выводить наружу (последнее было бы досадным, хотя и неизбежным недоразумением). Всякий, кто входит внутрь, ведом этой структурой и движется — под действием мягкого ненавязчивого импульса — верной дорогой. (Предназначение колонн между дверью и алтарем основывается на той же функции. Их линии перспективы указывают нам путь, решительно ведут нас; этого бы не произошло, если бы мы воспринимали опоры как действительно параллельные — финальная точка не отличалась бы от начальной, и не было бы никакого указания на то, где мы должны начать и где закончить. Так же как перспектива удивительным образом

необходима для входа, она служит и указателем на выход. Через такой же сужающийся коридор колонн человек проходит от алтаря к двери как к конечной точке.) Лишь коническая внешняя форма двери обеспечивает отчетливое и недвусмысленное ощущение «вхождения». Но это, по сути, уникальный случай: символично, что для Церкви движение жизни — безразлично, идет ли оно изнутри вовне или извне внутрь, — должно быть завершено и отделено от иного, единственно и подлинно необходимого движения. Так же как жизнь на земной поверхности непрерывно разрушает мост между беспорядками вещей, она всегда существует в каждом «внутри» и каждом «снаружи», разделенными дверью. Через дверь жизнь движется из своего бытия-в-себе в мир и из мира в свое бытие-в-себе.

149

Таким образом, посредством Моста и Двери формы, доминирующие в динамике нашей жизни, получают устойчивое продолжение и зримые очертания. Как инструменты, они связаны с простым функциональным и целенаправленным элементом наших движений, но их форма словно «сгущается» в непосредственно убедительное пластическое произведение. Что касается отдельных оттенков в создаваемом ими впечатлении, мост демонстрирует то, как человек воссоединяет разделенность чисто природных существей; дверь — то, как человек разделяет их единообразие и непрерывность. В общем эстетическом значении, которое мост и дверь приобретают благодаря своей способности превращать нечто метафизическое и одновременно функциональное в постоянное, следует искать основания их ценности для фигуративного искусства. Даже если частота их появления на живописных полотнах может быть приписана художественным свойствам их простых форм, то и здесь имеет силу загадочное сплетение — чисто художественное значение и завершенность творения обнаруживают себя как наиболее чистое воплощение невидимого духовного или метафизического смысла. Для обычных графических параметров формы и цвета, скажем, человеческого лица достаточно портретного сходства, схватывающего внешние следы его витальности и духовных характеристик.

Так как человек — существо, соединяющее и разъединяющее, существо, не способное соединить, не разъединяя, мы должны сначала представить себе обычное индифферентное существование двух берегов в их разделенности, чтобы затем соединить их мостом. Аналогичным образом человек есть ограниченное существо, не имеющее пределов. Обусловленность его существования-в-доме посредством двери означает, что он вырезал фрагмент из непотревоженного единства естественного опыта. Но по мере того, как бесформенное размежевание становится Формой, его ограниченность

обнаруживает свое значение и ценность лишь в том, что делает возможным движение двери: в возможности в любой момент выйти за этот предел — в свободе.

Перевод с английского языка Виктора Вахштайна